

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39

Научная статья / Research paper

Ю.В. Боровский*

СТОЛКНОВЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ЗАПАДА: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕАЛИСТСКОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

К началу 2010-х годов мощный позитивный импульс, характеризовавший отношения между Российской Федерацией и западными странами в энергетической сфере, стал явно иссякать. Обозначились серьезные противоречия в подходах сторон буквально ко всем ключевым вопросам повестки дня: от взглядов на пути возможного развития российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и роль зарубежного капитала в нем до реализации конкретных проектов газопроводов и оценки перспектив правового и институционального регулирования энергетических отношений в Европе и мире. Российская военная операция на Украине 2022 г. обострила все эти разногласия до предела, фактически парализовав любые формы сотрудничества в энергетической сфере. Эти обстоятельства заставляют задуматься о движущих силах, идейно-ценностных императивах и логике развития энергетической политики России и стран Запада. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть указанные вопросы через призму реалистского и либерального подходов в теории международных отношений (ТМО). В первой части исследования описаны базовые теоретико-методологические установки этих подходов вообще и обозначены возможности их применения к изучению энергетической проблематики в

* Боровский Юрий Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России (e-mail: yuribor@mail.ru).

частности. Далее проведен последовательный сравнительный анализ объяснительного потенциала каждого из подходов применительно к ключевым узлам противоречий в отношениях РФ и стран Запада в энергетической сфере. Автор приходит к выводу, что, хотя многие шаги руководства России, США и Европейского союза вполне могут быть объяснены с точки зрения логики либерального подхода в ТМО (это касается как политики ряда стран ЕС по сохранению деполитизированного энергетического сотрудничества с РФ, так и законодательных мер Брюсселя для защиты внутреннего энергетического рынка от монопольного доминирования «Газпрома»), положения политического реализма гораздо лучше объясняют и предшествующую динамику международных отношений в этой области, и их нынешнее состояние, и перспективы развития. В частности, именно с позиций логики политического реализма представляется целесообразным рассматривать стремление западных государств совершить «энергетический переход» и тем самым нивелировать свою зависимость от углеводородов, хотя потенциальные противоречия России и Запада на данной почве пока не материализовались в полной мере.

Ключевые слова: энергетика, энергетическая политика, Россия, коллективный Запад, Европейский союз, ЕС, США, реализм, либерализм, энергетическая безопасность, энергетический переход, Зеленая сделка

Для цитирования: Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 2. С. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39.

Yury V. Borovsky

**RUSSIA AND THE WEST:
CLASH OF ENERGY INTERESTS
THROUGH THE LENS OF REALIST
AND LIBERAL APPROACHES**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

By the beginning of the 2010s, the powerful positive impetus inherent to the Russia-Western relations in the energy sector has waned. Substantial disagreements arose on all major issues of the agenda, from the views on the

prospects for the Russian fuel and energy complex development and participation of foreign capital in it, to the implementation of concrete gas transportation projects and to assessments of opportunities for legal and institutional regulation of energy relations in Europe and the world. The Russian military operation in Ukraine in 2022 has greatly exacerbated all these tensions, rendering virtually impossible any form of cooperation in the energy sector. These circumstances raise questions about the driving forces, ideological imperatives, and the very logic of the energy policy development both in Russia and the West. The present paper compares two different interpretations of these issues based on insights from the realist and liberal theoretical frameworks. The first section highlights basic theoretical and methodological premises of these approaches in general and outlines their potential application to the energy issues in particular. Then the author assesses the explanatory potential of each of these approaches with regard to the key issues in relations between Russia and the West in the energy sector. The author admits that many steps taken by Russia, as well as the US and the EU can be well explained from the viewpoint of liberal approach (e.g. attempts of some EU countries to depoliticize energy cooperation with Russia or the EU measures to prevent monopolization of its energy market by Gazprom). However, political realism provides a more compelling explanation of previous dynamics of international relations in this field, their current state and prospects. The policy of energy transition, implemented by Western countries to lower their carbon dependence, fits particularly well the logic of the realist approach, although potential tensions between Russia and the West in that regard have not yet fully materialized.

Keywords: energy, energy policy, Russia, collective West, European Union, EU, USA, realism, liberalism, energy security, energy transition, green deal

About the author: *Yury V. Borovsky* — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of International Relations and Foreign Policy of Russia, School of International Relations, MGIMO University (e-mail: yuribor@mail.ru).

For citation: Borovsky Yu.V. 2022. Russia and the West: Clash of energy interests through the lens of realist and liberal approaches. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 12–39. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-12–39. (In Russ.)

После 1991 г. Россия и страны Запада столкнулись с рядом фундаментальных противоречий, связанных с энергетикой. Они проявились в различных взглядах сторон на роль и развитие российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК), реализацию газотранспортных проектов, а также на регулирование европейской

и глобальной энергетики. Подобные разногласия требуют серьезного осмысления, что важно не только для обогащения накопленных научных знаний, но и для прогнозирования энергетических отношений между РФ и западными государствами в обозримой перспективе, в том числе в контексте меняющейся глобальной конъюнктуры. Цель настоящей статьи — приблизиться к пониманию логики развития отношений России и стран Запада в энергетической сфере и порождаемых ею противоречий, опираясь на объяснительный потенциал ключевых направлений теории международных отношений (ТМО) — политического реализма и либерализма. В научных работах, публикуемых в нашей стране и за рубежом, нередко исследуются энергетические проблемы России и западных государств (например, связанные с проектом «Северный поток-2» или Договором к энергетической хартии) [Белов, 2018; Конопляник, 2011], однако без прямой и непосредственной опоры на ТМО, что обуславливает научную новизну настоящего исследования.

Энергетика через призму реалистского и либерального подходов

Основополагающие направления ТМО, включая реалистское и либеральное, позволяют интерпретировать политику государств и их объединений в энергетической сфере. Отправной предпосылкой служит тот факт, что с XIX в. мировая система энергоснабжения опирается преимущественно на ископаемые углеродные энергоресурсы, а их запасы распределены на планете неравномерно [Smil, 2010]. Как следствие, одни страны импортируют нефть, газ или уголь, другие их экспортируют. При этом часть государств выполняют важные транзитные функции. «Энергетический переход» мирового сообщества к постуглеродной модели энергопотребления, начавшийся в 2000-х годах и ускорившийся на рубеже 2010–2020-х годов, способен изменить эту логику, вокруг которой выстраиваются основные экономические и политические стратегии государств. Однако это произойдет ближе к 2050 г.¹, к тому же велика вероятность, что место углеродного топлива займут тоже дефицитные и по-разному доступные редкие металлы и водород [Борисов, 2020].

¹ Energy outlook: 2020 edition // BP. 2020. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf>; World energy outlook 2021 // International Energy Agency. October 2021. Available at: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2021> (accessed: 08.03.2022).

Согласно **реалистскому** подходу государства, ставящие во главу угла прагматичную защиту и продвижение своих национальных интересов, видят в энергетике источник своей политической силы или, напротив, слабости в международном контексте [Luft, Korin, 2009]. Иными словам, для них энергетика — это прежде всего политическая категория. В соответствии с установками оборонительного (*defensive*) и наступательного (*offensive*) реализма [Mearsheimer, 2001; Lobell, 2010] государства могут придерживаться двух разных линий поведения в энергетической сфере. В первом случае они не склонны выходить за рамки собственной защиты, ограничиваясь такими мерами, как резервирование дефицитных (углеродных) энергоносителей для чрезвычайных ситуаций, диверсификация источников и маршрутов их поставок, поиск доступной альтернативы (например, в виде возобновляемых источников энергии), энергосбережение и т.д. Во втором случае государства готовы предпринимать активные действия в отношении представителей внешнего мира в целях изменения невыгодного для себя статус-кво или, напротив, использования доступных преимуществ в своих политических интересах. Речь может идти о силовых акциях, введении запретов на поставку или покупку энергоносителей, льготном или дискриминационном энергоснабжении, применении всевозможных энергетических санкций [Голунов, 2021]. При этом главная цель любого государства — энергетическая независимость, или энергетический суверенитет [Schelly et al., 2020]. Только с таким статусом оно может быть относительно полноценным игроком на международной арене. Продолжая эту логику, следует допускать, что декарбонизация энергоснабжения в контексте решения климатической проблемы должна непременно восприниматься реалистами как возможность для государств, критически зависимых от импорта нефти, газа или угля, достичь энергетической независимости [Luft et al., 2011].

Для сторонников **либерального** подхода энергетика — это в большей мере сфера экономических отношений, которая должна развиваться в логике свободного рынка (или свободной торговли), а также поле для взаимовыгодного международного сотрудничества. В отличие от реалистов, либералы считают, что экономические (рыночные) силы в большей степени движут мировыми процессами. Сторонники этого подхода не слишком озабочены проблемой зависимости государств от импорта каких бы то ни было энергоносителей и зачастую видят особую ценность в обоюдной заинте-

ресованности экспортеров и импортеров, которая, по их мнению, только стабилизирует международные отношения [Harsem, Claes, 2013]. В списке приоритетов либералов находится коллективное, кооперативное и опирающееся на многосторонние институты обеспечение международной безопасности [Худайкулова, 2020], в том числе в области энергетики и особенно при возникновении новых вызовов, каковым, например, являются «энергопереход» и климатический кризис [Luft, Korin, 2009].

Если говорить о либерализме в более широком смысле, то его сторонники ратуют за демократию, уважение прав и свобод человека, соблюдение принципов международного права и т.д. [Shiraev, Zubok, 2019]. При этом ключевым является вопрос о методах глобального продвижения либеральных стандартов. В рамках классического либерального интернационализма, во многом связанного с воззрениями американского президента В. Вильсона, предполагается, что либеральные демократические страны объединятся в формате международных институтов и тем самым составят коллективный оплот либерального мира, в том числе перед лицом возможных угроз со стороны авторитарных государств [Friedmann, 1968]. Такому либеральному интернационализму скорее чуждо наступательное принуждение нелиберальных стран к преобразованиям, так как это прежде всего противоречит международному праву². Как считается, повсеместная либерализация авторитарных режимов должна произойти сама собой, поскольку является неизбежным эволюционным процессом. Достаточно вспомнить концепцию «волн демократизации», популяризованную С. Хантингтоном в начале 1990-х годов [Huntington, 1993].

После окончания холодной войны и установления практически безраздельного доминирования США и стран Запада либеральный интернационализм фактически трансформировался в либеральный интервенционизм — внешнеполитическую доктрину, оправдывающую активное, в том числе военное, вмешательство либеральных демократических государств в дела других суверенных стран в целях их трансформации, а также продвижения свободы и демократии в глобальном масштабе. Конечно, Соединенные Штаты стали главным олицетворением «нового либерального интернационализма»,

² Debating liberal internationalism // The American prospect. 15.05.2008. Available at: <https://prospect.org/article/debating-liberal-internationalism/> (accessed: 08.03.2022).

или либерального интервенционизма [Lipsey, 2016]³. Однако многие другие страны, относящие себя к демократическому миру, решили также солидаризироваться с США, породив феномен «либерального интернационализма средних держав» (*middle power liberal internationalism*) [Ole et al., 2019].

Американское глобальное превосходство, возникшее после окончания холодной войны, одновременно создало почву для популяризации идей неоконсерватизма, зародившегося в 1960–1970-х годах. Современный американский неоконсерватизм выражается в поддержке активной, в том числе силовой, борьбы США с нелиберальными режимами и силами, поскольку они угрожают американскому глобальному лидерству и ценностям, на которых оно зиждется [Сушенцов, 2016]. При этом американские неоконсерваторы во главу угла ставят национальные интересы Соединенных Штатов, их моральный авторитет и обязательно рассматривают США как неоспоримого глобального гегемона, окруженного союзниками и единомышленниками. Это отличает неоконсерваторов от современных либеральных интернационалистов, или интервенционистов. Последние видят главное в построении глобального либерального миропорядка, в котором США отведена роль гаранта или консолидирующего инструмента, а американские национальные интересы имеют большое, но всё-таки второстепенное значение⁴.

С определенной долей условности американский неоконсерватизм можно отождествлять с наступательным реализмом. Его сторонники исходят из того, что анархия, в которой неизменно пребывают международные отношения, всегда будет подталкивать государства, особенно великие державы, к наращиванию мощи, экспансии и гегемонии под любыми предлогами [Mearsheimer, 2001]. Последователи оборонительного, или прагматичного реализма (К. Уолтц, С. Уолт), напротив, считают, что подобные устремления — недальновидная стратегия государств, в конечном счете снижающая их безопасность и создающая для них дополнительные риски [Lobell, 2010]. По аналогии с дихотомией в реализме классический либеральный

³ Goldberg J. The Obama Doctrine // The Atlantic. April 2016 Issue. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/theobama-doctrine/471525/> (accessed: 10.02.2022).

⁴ Bosco D. What divides neocons and liberal interventionists // Foreign Policy. 09.04.2012. Available at: <https://foreignpolicy.com/2012/04/09/what-divides-neocons-and-liberal-interventionists/> (accessed: 10.03.2022).

интернационализм можно характеризовать как оборонительный, а его современный вариант в виде либерального интервенционизма — как наступательный.

При переносе описанной теоретической схемы в область энергетики следует допускать, что, по мнению сторонников либерального интервенционизма и неоконсерватизма, в том числе в правящих элитах США и всего коллективного Запада, многие, на их субъективный взгляд, нелиберальные режимы мира, включая Россию, Иран, Саудовскую Аравию, Венесуэлу и др., критически зависят в своем экономическом развитии и проецировании геополитической мощи от экспорта углеродных энергоносителей. Значит, их нефтегазовая и угольная индустрии по определению подлежат сдерживанию и даже дестабилизации и маргинализации, если того потребуют обстоятельства.

Российский ТЭК как «яблоко раздора»

Вплоть до 2014 г. западные государства настойчиво и отчасти небезосновательно обвиняли российское государство в том, что оно проводило политику «ресурсного национализма», т.е. умышленно по политическим причинам не позволяло зарубежным (прежде всего американским и европейским) компаниям становиться важнейшими игроками ТЭК страны, а также сохраняло и даже усиливало собственный контроль над национальной энергетикой [Domjan, Stone, 2010; Gustafson, 2012; Голунов, 2021]. Блокировка продажи ЮКОСа американским ExxonMobil и Chevron (2003), лишение британо-нидерландской Shell контрольного пакета акций и статуса оператора в проекте «Сахалин-2» (2007), фактическая передача прав на освоение Ковыктинского газового месторождения, которое будет питать «Силу Сибири», от британо-российской ТНК-ВР «Газпрому» (2011), покупка «Роснефтью» ТНК-ВР (2013), отказ от обещанного реформирования «Газпрома» — эти и некоторые другие примеры использовались коллективным Западом в качестве оправдания критики российских властей.

Добиваясь либерализации российской энергетики, западные страны заботились не только о международном сообществе, которое, по их мнению, должно иметь беспрепятственный, неполитизированный доступ к мировой ресурсной базе. Их интерес также состоял в обеспечении ключевых позиций американских и европейских компаний в российском ТЭК, особенно в той его части, которая свя-

зана с нефтью и газом [Gustafson, 2012]. В случае успеха государства Запада могли рассчитывать на бесперебойные поставки российских углеводородов, которых им критически не хватало (применительно к США до того момента, когда к середине 2010-х годов «сланцевая революция» обеспечила значительный прирост добычи нефти и газа в стране), а также надеялись фактически лишить Россию ее «энергетического оружия», если она вдруг вздумала бы им воспользоваться. В свою очередь РФ видела в национальном ТЭК не только важнейший экономический, но и политический ресурс в евразийском и глобальном измерениях [Domjan, Stone, 2010; Голунов, 2021]. Очевидно, что, отказываясь от передачи главных энергетических активов страны в иностранные руки, российские власти тем самым подчеркивали стратегическую роль ТЭК не только в экономическом развитии России, но и в проецировании ее политической силы на международную арене.

Политический кризис на Украине, продолжавшийся с февраля 2014 г. и вылившийся в жесткое противостояние РФ и коллективного Запада, и тем более специальная военная операция на украинской территории, начатая Москвой в феврале 2022 г. и вызвавшая куда более резкую реакцию западных государств, в корне изменили ситуацию, сложившуюся после распада СССР. Желая наказать Россию за ее действия в отношении соседнего государства, а также фундаментально сдержать ее геополитическую активность и, вероятно, даже добиться смены власти в Кремле, коллективный Запад во главе с США пошел на беспрецедентные санкционные меры. В сфере энергетики они были призваны не только дистанцировать западные корпорации от российского ТЭК, но и нанести болезненный удар по всей нефтегазовой и угольной индустрии РФ. В западных столицах, очевидно, полагали, что их санкционное воздействие на российскую углеродную энергетику, которая обеспечивала львиную долю экспортных поступлений РФ (согласно данным Федеральной таможенной службы России, 67% в 2014 г. и 53% в 2021 г.)⁵, могло дать наилучший эффект в их политизированных устремлениях.

Санкционный пакет 2014 г. предполагал запрет западным компаниям участвовать в разработке шельфовых и неконвенциональных (сланцевых и др.) нефтегазовых месторождений в России, а также

⁵ Экспорт России важнейших товаров // Федеральная таможенная служба России. Доступ: <https://customs.gov.ru/folder/513> (дата обращения: 17.03.2022).

предоставлять российским партнерам соответствующие услуги и технологии [Van de Graaf, Colgan, 2017]. Западным банкам предписывалось не кредитовать ведущие нефтегазовые компании РФ [Сидорова, 2016]⁶. В 2022 г. санкционное давление Запада на российскую энергетику стало по-настоящему радикальным. Соединенные Штаты прекратили импорт нефти, газа и угля из России, а также запретили своим гражданам осуществлять новые инвестиции в энергетический сектор РФ и финансировать иностранные компании, использующие подобные инвестиции⁷. Аналогичные ограничения ввел Брюссель⁸. Евросоюз, отдельные его страны и Великобритания также обозначили шаги по планомерному отказу от российских нефти, газа и угля в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В частности, на саммите лидеров ЕС в Версале (10–11 марта 2022 г.) было принято решение добиться к 2027 г. отказа от всех углеродных энергоресурсов из России⁹. Кроме того, коллективный Запад ввел жесткие санкции в отношении крупнейших нефтегазовых компаний РФ и их руководителей, включая «Роснефть», «Газпром» и «Транснефть»¹⁰. Параллельно ведущие западные энергетические корпорации (BP, Shell, ExxonMobil и др.) решили прекратить или приостановить свою деятельность на территории РФ, а также взаимовыгодное сотрудничество с российскими партнерами.

Все эти шаги шли вразрез с той политикой, которую коллективный Запад проводил в отношении российского ТЭК до 2014 г. Очевидно, что такой разворот в большей мере отвечал американским, нежели европейским, интересам. Соединенные Штаты благодаря

⁶ Секторальные санкции ЕС в отношении России. Досье // ТАСС. 29.06.2018. Доступ: <https://tass.ru/info/5334936> (дата обращения: 10.03.2022).

⁷ US sanctions target Russia's energy sector and ban imports of Russian oil, LNG, and coal as enforcement efforts increase and agencies consider cryptocurrency and other digital assets // The National Law Review. 10.03.2022. Available at: <https://www.natlawreview.com/article/us-sanctions-target-russia-s-energy-sector-and-ban-imports-russian-oil-lng-and-coal> (accessed: 17.03.2022).

⁸ Запрет на поставку предметов роскоши и инвестиции в энергетику. ЕС ввел санкции против РФ // ТАСС. 15.03.2022. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14071783> (дата обращения: 17.03.2022).

⁹ Саммит Евросоюза принял решение повысить агробезопасность, снизив зависимость от импорта // ТАСС. 11.03.2022. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/14044731> (дата обращения: 17.03.2022).

¹⁰ Евросоюз ввел санкции против российских нефтяных компаний // Коммерсант. 15.03.2022. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5258914> (дата обращения: 17.03.2022).

«сланцевой революции» не только стали меньше зависеть от импорта углеводородов, но и начали налаживать их масштабный экспорт, в том числе в Европу, где традиционно доминировали российские поставщики. Например, если в декабре 2021 г. США поставляли в страны ЕС и Великобританию 96 млн кубометров природного газа в сутки, то в январе 2022 г. они удвоили этот показатель до 184 млн кубометров¹¹. Государства ЕС и Великобритания прекрасно понимали, что с 1970-х годов СССР и Россия неизменно играли ключевую, во многом незаменимую роль в энергоснабжении Европы [Goldthau, 2016]. Тем не менее они и, главное, их компании всё же решились пожертвовать своими экономическими интересами во имя евро-атлантических политических задач.

Анализируя политику коллективного Запада в отношении российского ТЭК, можно заключить, что она в большей мере соотносилась с логикой реалистского подхода, причем преимущественно наступательного толка. Иными словами, западные страны с самого начала смотрели на ТЭК РФ главным образом через призму своей политической уязвимости и одновременно политической силы российского государства как в целом, так и в привязке к конкретным геопространствам. Сначала об этом свидетельствовали их настойчивые попытки добиться посредством своих корпораций контроля над ключевыми российскими нефтегазовыми активами. Однако после 2014 и, тем более, 2022 гг. коллективный Запад встал на путь изолирования и дестабилизации российского ТЭК с помощью санкций и других инструментов. В попытках США вытеснить российские углеводороды с европейского рынка и заменить их на американские могут, конечно, просматриваться проявления недобросовестной экономической конкуренции, которая с определенной долей условности укладывается в либеральную логику. Тем не менее подобные усилия никак не отменяют всей глубинной политической подоплеки, описанной выше. В то же время агрессивные действия США и их союзников в отношении российского ТЭК могут одновременно находить аргументированные обоснования в идеях либерального интервенционизма и неоконсерватизма.

¹¹ Trio supplying lion's share of LNG to Europe // Journal of Petroleum Technology. 22.02.2022. Available at: <https://jpt.spe.org/trio-supplying-lions-share-of-lng-to-europe> (accessed: 17.03.2022).

Российские власти, отдавая предпочтение политике «ресурсного национализма» и рассматривая ТЭК страны в качестве ее ключевого внешнеполитического ресурса, также действовали в большей мере в духе реалистского подхода. Бесспорно, они всегда приветствовали присутствие зарубежных, в частности западных, компаний в национальной энергетике, за что ратует либеральное течение ТМО. Однако такое присутствие, по мнению Москвы, не должно было достигать размеров, способных нивелировать внешнеполитический потенциал российского ТЭК.

Противоречия вокруг российских газоэкспортных проектов

После 1991 г. Россия и ее компании реализовали целый ряд стратегических газотранспортных проектов. Те из них, которые были связаны с экспортом сжиженного природного газа (СПГ) («Сахалин-2», «Ямал СПГ» и др.) или поставками трубопроводного газа в КНР, на удивление не стали частью проблемной повестки в отношениях РФ и Запада, если только не брать в расчет упомянутое снижение статуса Shell в «Сахалине-2». Основные разногласия между Москвой и западными партнерами возникли вокруг строительства трубопроводных магистралей, призванных диверсифицировать маршруты поставок российского газа в Европу. Причем середина 2000-х годов может считаться некоей отправной точкой в появлении таких противоречий. Как следствие, если газопроводы «Ямал–Европа» (запуск в 1999 г.) и «Голубой поток» (запуск в 2003 г.) избежали политизации, то все последующие новые газовые магистрали на европейском направлении, строительство которых было инициировано Россией, — нет [Kutcherov et al., 2020].

Проект «Северный поток-1» (Nord Stream 1, СП-1) обрел реальные перспективы только в сентябре 2005 г., когда правительства России и Германии подписали соответствующую декларацию¹², и именно с этого времени он стал встречать решительное противодействие со стороны США, Польши, стран Балтии и Украины. Ключевым доводом противников СП-1, который должен был напрямую связать РФ и ФРГ (а значит, и Западную Европу) по дну Балтийского моря, исключив тем самым восточноевропейских посредников, была ненадежность России, поскольку она, по их мнению, всегда готова

¹² The history of Nord Stream // DW.com. 23.07.2021. Available at: <https://www.dw.com/en/the-history-of-nord-stream/a-58618313> (accessed: 10.03.2022).

использовать газ в политических целях [Smith Stegen, 2011]. В качестве наглядных примеров они приводили российско-украинские газовые конфликты 2006 и 2009 гг., в ходе которых РФ прекращала поставки газа на Украину [Саква, 2010]. Тот факт, что причиной этих конфликтов была неготовность Киева принять рыночные условия взаимодействия с Москвой в газовой сфере, противники СП-1 игнорировали. Кроме того, они активно высказывали и другие беспочвенные опасения, связанные как со строительством, так и с эксплуатацией газопровода. Например, утверждали, что возведение СП-1 нанесет непоправимый ущерб экосистеме Балтийского региона¹³. Тем не менее, несмотря на созданный негативный фон, газопровод был введен в эксплуатацию в 2011–2012 гг. Произошло это во многом потому, что в его запуске были сильно заинтересованы Германия, Австрия, Нидерланды, Франция и даже Европейская комиссия, озабоченные чрезмерной ролью Украины как транзитера российского газа в Европу (свыше 70%). Еврокомиссия даже присвоила Nord Stream 1 статус приоритетного проекта «Трансевропейских энергетических сетей» (TEN-E)¹⁴.

Однако работать в нормальном режиме СП-1 так и не смог, поскольку в 2009 г. та же Еврокомиссия добилась принятия новой газовой директивы (ГД), которая, по совпадению или нет, вступила в силу в 2011 г. [Sziklai et al., 2020]. Положения этого документа, заявленная цель которого заключалась в дальнейшей либерализации газового рынка Евросоюза, формально не распространялись на СП-1, поскольку он не находится на сухопутной территории ЕС. Тем не менее ГД позволила Европейской комиссии ограничить на 50% работу газопровода OPAL, который является инфраструктурным продолжением СП-1 на территории Германии. Директива запрещает заполнять магистральные газопроводы ЕС газом одного производителя, а в СП-1 и соответственно в OPAL газ подается только «Газпромом». В 2016 г. Еврокомиссия неожиданно смягчила свою первоначальную позицию и отдельным решением вывела за рамки ГД другие 50% мощностей OPAL при соблюдении определенных условий, но в 2019 г. Общий суд ЕС отменил это решение по иску

¹³ Raguzina G. Nord Stream gas pipeline a danger for the Baltic ecology // Bellona. 31.05.2007. Available at: <https://bellona.org/news/fossil-fuels/gas/2007-05-nord-stream-gas-pipeline-a-danger-for-the-baltic-ecology> (accessed: 10.03.2022).

¹⁴ «Северный поток» // Gazprom.ru. Доступ: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream/> (дата обращения: 10.03.2022).

Польша [Krzykowski, Krzykowska, 2017]¹⁵. С судебными усилиями Польской Республики солидаризировались страны Балтии и Украина¹⁶. Таким образом, если Еврокомиссия в итоге решила не создавать искусственных препятствий для СП-1, то Общий суд ЕС занял иную позицию.

После инициирования проекта «Северный поток-2» (Nord Stream 2, СП-2) в июне 2015 г. сформировалась еще более представительная группа стран, которая выступила категорически против сооружения данного газопровода, призванного (как и в случае с СП-1) напрямую связать Россию и Германию по дну Балтийского моря. Если ядро этой группы опять составили США, Польша, Литва, Латвия, Эстония и Украина, то в числе новых противников оказались Румыния, Венгрия, Чехия и Словакия [Sziklai et al., 2020]. Правда, три последние страны позже всё-таки решили поддержать проект, поскольку их национальные компании были подключены к транспортировке и реализации газа с помощью СП-2, что компенсировало их риски, связанные с будущим снижением транзита топлива через территорию Украины [Jirušek, 2020]. По аналогии с СП-1 противники СП-2 стали увязывать его не только с политической ненадежностью России, но и с серьезными экологическими рисками для Балтийского региона [Рогинко, 2018].

Соединенные Штаты в отношении СП-2 (как и параллельно реализуемого «Турецкого потока») стали активно применять целевые рестриктивные меры. С помощью серии законов, принятых Конгрессом с 2017 г. (CAATSA¹⁷, PEESA¹⁸), они начали грозить жесткими

¹⁵ The General Court annuls the Commission decision approving the modification of the exemption regime for the operation of the OPAL gas pipeline: Judgment in Case T-883/16 Poland v Commission: Press release of General Court of the European Union n°107/19, Luxembourg, 10 September 2019. Available at: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2019-09/cp190107en.pdf> (accessed: 11.03.2022).

¹⁶ Латвия и Литва присоединились к польскому иску по OPAL // Фокус. 31.03.2017. Доступ: <https://focus.ua/world/369589> (дата обращения: 10.03.2022); «Нафтогаз» будет судиться с Еврокомиссией из-за доступа «Газпрома» к OPAL // Sputnik. 29.03.2017. Доступ: <https://ru.sputnik-news.ee/economy/20170329/5224438/naftogaz-suditsja-evrokomissiej-dostup-gazproma-opal.html> (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁷ H.R. 3364 — Countering America's Adversaries through Sanctions Act: Signed into law by President on August 2, 2017 // Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (accessed: 11.03.2022).

¹⁸ Protecting Europe's Energy Security Act (PEESA) // State.gov. 20.10.2020. Available at: <https://www.state.gov/protecting-europes-energy-security-act-peesa/> (accessed: 11.03.2022).

санкциями разнопрофильным компаниям, вовлеченным в его реализацию (укладка труб, страхование, сертификация и проч.). Поначалу казалось, что с приходом в Белый дом Дж. Байдена позиция США несколько смягчилась. В 2021 г. Вашингтон фактически дал согласие на достройку и запуск СП-2 в обмен на определенные обязательства Берлина в отношении Киева¹⁹. Очевидно, вновь избранный президент пошел на такой шаг, который не нашел всесторонней поддержки в американском истеблишменте, главным образом для того, чтобы в будущем рассчитывать на Германию в многосторонних институтах, а также при решении более значимых для Вашингтона задач, например, в торговой и климатической сферах. Тем не менее в феврале 2022 г., реагируя на признание Россией ДНР и ЛНР, Соединенные Штаты ввели прямые санкции против компании-оператора СП-2 AG и ее исполнительного директора М. Варнига: были заблокированы их активы в американской юрисдикции, а также запрещены все их сделки с физическими и юридическими лицами США²⁰.

В Евросоюзе СП-2 вызвал весьма неоднозначную реакцию. Как и «Южный поток» (ЮП), а также пришедший ему на смену «Турецкий поток», о которых будет сказано далее, он не получил от Европейской комиссии статуса «проекта общего интереса»²¹ и, следовательно, не мог формально рассчитывать ни на политическую поддержку Брюсселя, ни на финансирование по линии ЕС. При этом все основные конкурирующие проекты без российского участия (Baltic Pipe, TANAP и TAP) такие преференции, напротив, получили²². В Брюсселе, очевидно, опасались, что СП-2 после своего запуска будет оказывать дестабилизирующее влияние с точки зрения как диверсификации поставок газа в Европу, так и формирования демонополизированного и конкурентного внутреннего энергетического рынка ЕС [Sziklai et al., 2020]. В июне 2017 г. Европейская комиссия

¹⁹ Сделка США и Германии по «Северному потоку-2» // РБК. 21.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2021/60f84ff09a79470260a155fc> (дата обращения: 12.03.2022).

²⁰ США ввели санкции против компании-оператора «Северного потока-2» // РИА «Новости». 23.02.2022. Доступ: <https://ria.ru/20220223/sanktsii-1774599653.html> (дата обращения: 22.03.2022).

²¹ В 2013 г. «проекты общего интереса» (PCI) пришли на смену приоритетным проектам «Трансевропейских энергетических сетей» (TEN-E).

²² Projects of Common Interest // An official website of the European Union. Available at: https://ec.europa.eu/energy/topics/infrastructure/projects-common-interest_en?redir=1 (accessed: 12.03.2022).

даже запросила у Совета ЕС мандат на ведение переговоров с «Газпромом» и Россией по СП-2 от лица всех стран Евросоюза²³, но получила отказ. Принципиальность проявили ФРГ, Австрия и Франция, видимо, не захотевшие, чтобы Брюссель мог в значительной степени препятствовать строительству газопровода [Giuli, 2018].

Как ни парадоксально, но именно с лета 2017 г., когда США вступили на путь законодательного торпедирования СП-2, Еврокомиссия стала решительно возражать против этого [Giuli, 2018]²⁴. Однако она же разработала поправки к ГД 2009 г., которые были утверждены в мае 2019 г. В результате положения ГД распространились на участки новых и действующих газопроводов, находящихся в территориальных морях государств — членов ЕС [Sziklai et al., 2020], т.е. они впервые непосредственно затронули СП-1 и СП-2. При этом по настоянию Германии и Франции все полномочия по применению новых правил, включая право делать исключения, были предоставлены той стране ЕС, в территориальных водах которой находится конкретный участок газопровода. В случае СП-1 и СП-2 это была Германия²⁵. Таким образом, Берлину и Парижу фактически удалось смягчить «подрывную силу» этого нововведения Брюсселя.

И всё же политика Германии в отношении российских газотранспортных проектов была весьма противоречивой. В мае 2020 г. Федеральное сетевое агентство (Bundesnetzagentur) отказалось предоставить СП-2 (в отличие от СП-1) исключительный статус в рамках применения обновленной ГД²⁶. В итоге благодаря поправкам

²³ Opinion of the Council's Legal Service dated 27 September 2017 on the Recommendation for a Council decision authorizing the opening of negotiations on an agreement between the European Union and the Russian Federation on the operation of the Nord Stream 2 pipeline // Politico. Available at: <http://www.politico.eu/wp-content/uploads/2017/09/SPOLITICO-17092812480.pdf> (accessed: 13.03.2022).

²⁴ Климентьева Л. Ответ на новые санкции против России Вашингтон может получить от Брюсселя // Ведомости. 24.07.2017. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/07/24/725504-es-otvet-vashingtonu> (дата обращения: 10.03.2022); Еврокомиссия выступила против расширения санкций по «Северному потоку-2» // РБК. 04.12.2020. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/04/12/2020/5fca4acc9a794782b9336b28> (дата обращения: 13.03.2022).

²⁵ ЕС утвердил поправки к касающейся «Северного потока-2» газовой директиве // РБК. 15.04.2019. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/15/04/2019/5cb449de9a79470a0ae92253> (дата обращения: 13.03.2022).

²⁶ No derogation from regulation for Nord Stream 2 // Bundesnetzagentur.de. 15.05.2020. Available at: https://www.bundesnetzagentur.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/EN/2020/20200515_NordStream2.html (accessed: 14.03.2022).

к этому документу Германия получила возможность регулировать работу СП-2 в соответствии со своими национальными интересами и внешнеполитической конъюнктурой. В конце февраля 2022 г., после признания Россией ДНР и ЛНР, она вообще приостановила сертификацию этого газопровода²⁷. Начавшаяся тогда же специальная военная операция России на Украине сделала будущее проекта совершенно неопределенным.

В декабре 2014 г. Россия, отказавшись от ЮП, который потерял перспективу быть реализованным в силу неконструктивной позиции Еврокомиссии и Болгарии, переключилась на альтернативный проект — сооружение газопровода «Турецкий поток» (TurkStream, ТП). Последний также не нашел поддержки ни в Брюсселе, ни в Вашингтоне, которые, очевидно, восприняли его как нежелательный аналог ЮП [Erşen, Çelikpala, 2019; Pardo Sauvageot, 2020]. Оба «потока» не только снижали инвестиционную привлекательность альтернативных газовых проектов, лоббируемых ЕС (возведение газопровода Nabucco, позднее — создание «Южного газового коридора»), но и, видимо, создавали дополнительную конкуренцию американским поставкам СПГ на европейский рынок [Vihma, Turksen, 2016; Бунник, 2018].

Следует отдельно подчеркнуть, что главное предназначение всех российских газотранспортных проектов состояло в том, чтобы нивелировать ключевой газотранзитный и, следовательно, геополитический статус Украины. С точки зрения либерального подхода такая диверсификация отвечает интересам как поставщика газа, коим является Россия, так и всех потребителей российского голубого топлива в Европе. Тем не менее, как показало развитие событий, допустить такой диверсификации государства коллективного Запада не захотели, особенно после февраля 2014 г., когда в Киеве установился прозападный, антироссийский режим. Данная реальность недвусмысленно указывает на торжество реалистского подхода, хотя ряд западноевропейских стран ЕС, включая ФРГ, Австрию и некоторые другие, проявляли немалую заинтересованность в полноценной работе СП-1 и запуске СП-2.

²⁷ Германия остановила «Северный поток-2» // Ведомости. 22.02.2022. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/02/22/910515-zamorozka-severnogo-potoka> (дата обращения: 24.03.2022).

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что попытки коллективного Запада затруднить реализацию газоэкспортных проектов России на европейском направлении или даже воспрепятствовать ей, наблюдаемые с середины 2000-х годов, в большей мере вписываются в реалистский подход ТМО. Налицо преобладающее политизированное желание западных государств сдерживать экспансию «Газпрома» в Европе или хотя бы придать ей контролируемые формы. Действуя таким образом, коллективный Запад во главе с США в меньшей степени думал об экономической целесообразности и в большей — о политических и геополитических раскладах. Если считать экономическую конкуренцию ключевой категорией либеральной теории, то фактическое саботирование Вашингтоном реализации газоэкспортных проектов РФ можно также связать с его желанием продвинуть собственные экономические интересы, за которыми стоят конкретные компании-лоббисты. Соединенные Штаты стремятся ограничить присутствие российского газа в Европе, с которым американский СПГ едва может конкурировать в силу более высокой стоимости [Голунов, 2021].

Попытки Европейской комиссии распространить на СП-1, СП-2 и магистральные газопроводы, которые являются их продолжением в Германии, а также на ЮП и ТП действие ГД 2009 г. могут объясняться простым стремлением Брюсселя защитить внутренний газовый рынок ЕС от монопольного доминирования «Газпрома» или по крайней мере иметь возможность при необходимости регулировать поставки российского газа [Боровский, Шишкина, 2021]. В этом смысле Европейская комиссия, если оставить в стороне возможные политические мотивы, действовала в рамках либерального подхода. Вместе с тем нельзя отрицать серьезное расхождение во взглядах на реализацию российских газоэкспортных проектов между западно-европейскими (Германия, Австрия, Франция, Нидерланды и др.) и восточноевропейскими (Польша, Прибалтийские государства и др.) членами ЕС. Первые предпочитали делать упор на экономические аспекты (например, в феврале 2018 г. канцлер ФРГ А. Меркель назвала СП-2 чисто экономическим проектом)²⁸, что в полной мере соответствует либеральному подходу, вторые, напротив, мыслили

²⁸ Меркель: «Северный поток-2» — это чисто экономический проект // Regnum. 18.02.2018. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/2381400.html> (дата обращения: 25.03.2022).

в реалистском ключе, ставя во главу угла политику и оставляя в стороне всевозможные экономические выгоды²⁹.

Проблема компромиссного регулирования глобальной и региональной энергетики

После 1991 г. Россия и западные государства прилагали усилия в направлении правового и институционального регулирования глобальной и европейской энергетики, но так и не смогли договориться. В итоге они выступили в роли политических соперников, не готовых идти на серьезные компромиссы.

Во-первых, страны ЕС, продвигая Договор к Энергетической хартии (ДЭХ) 1994 г., фактически пытались навязать Москве невыгодные ей правила международного энергетического взаимодействия. Это прежде всего касалось свободного транзита газа (в первую очередь среднеазиатского) через территорию РФ, а также широкого доступа иностранных компаний к российским нефтегазовым активами. Учредив Энергетическое сообщество в 2006 г., Европейский союз фактически вознамерился экспортировать свое энергетическое законодательство (в том числе ГД 2009 г.) в страны Юго-Восточной Европы и Черноморского региона, включая Украину, и тем самым ослабить позиции «Газпрома», являющегося вертикально интегрированной компанией. Приступив к формированию Энергетического союза в 2015 г., Брюссель также решил консолидировать и усилить тот концептуальный и правовой режим, который им создавался в европейской энергетике [Юдина, 2021]. Москва со своей стороны требовала компромиссного учета собственных интересов, например, через адаптацию ДЭХ в соответствии с российскими приоритетами, предоставление исключительного статуса «Газпрому» при применении ГД в европейских странах или даже обращение во Всемирную торговую организацию. Однако требования РФ, по большому счету, остались без ответа.

Во-вторых, глубокие разногласия коллективного Запада и России из-за госпереворота на Украине в 2014 г. и последующих событий, связанных с украинским государством, вообще привели к разрыву их двусторонних институциональных и правовых связей в сфере

²⁹ Премьер Польши считает «Северный поток-2» крайне вредным проектом // ТАСС. 18.12.2017. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/4821322> (дата обращения: 25.03.2022).

энергетики, с трудом выстраивавшихся многие годы. В итоге Россия была оставлена за рамками «Группы восьми» и лишена права на вступление в Международное энергетическое агентство. G8 и МЭА находятся в числе многосторонних институтов, которые в немалой степени определяют параметры функционирования глобальной энергетики. Был также прекращен Энергодиалог Россия–ЕС, который с 2000 г. выступал ключевым компонентом в регулировании европейского энергоснабжения.

Оценивая произошедшее, можно полагать, что западные государства с самого начала рассматривали поддерживаемые ими энергетические институты и правовые режимы в качестве инструментов, призванных обеспечивать в первую очередь их энергетическую безопасность и продвигать ту модель международного взаимодействия в энергетической сфере, которая главным образом отвечала их экономическим и политическим интересам. Компромисс с Россией наверняка был бы возможен, если бы коллективный Запад ориентировался в большей мере на взаимную экономическую выгоду и обеспечение стабильного развития мировой и европейской систем энергоснабжения на благо всех заинтересованных сторон. Как представляется, Москва больше склонялась к компромиссам, однако при этом не была готова к односторонним уступкам, ведущим к ее экономическому и политическому ослаблению при параллельном усилении коллективного Запада. Подобное поведение опять-таки гораздо лучше может быть объяснено логикой реалистского подхода, нежели либерального, который, как было указано, предполагает деполитизированное компромиссное сотрудничество сторон.

В схожем ключе можно рассматривать «энергетический переход» человечества от углеродной к постуглеродной модели энергоснабжения, главным лоббистом которого выступает коллективный Запад. Вполне можно допускать, что западные государства, в большинстве своем испытывающие критическую зависимость от импорта углеродного топлива, поставили перед собой задачу перестроить мировую систему энергоснабжения таким образом, чтобы она в большей мере отвечала их экономическим интересам и, главное, нивелировала их политические уязвимости [Борисов, 2020]. Не исключено, что они, спекулируя на экологических и климатических вызовах, пойдут по пути навязывания другим членам мирового сообщества, включая Россию, невыгодных им правил международного экономического

взаимодействия и целевых ориентиров в рамках «энергоперехода». Это может выразиться в де-факто принуждении к форсированному отказу от ископаемого углеродного топлива в пользу возобновляемых и иных альтернативных источников энергии, в том числе за счет введения высоких углеродных налогов или пошлин на широкую номенклатуру импортных товаров. Например, в июле 2021 г. Европейский союз объявил о введении так называемого Углеродного трансграничного компенсационного механизма (Carbon Border Adjustment Mechanism), который заработает в 2026 г. и первоначально станет применяться к зарубежным производителям железа, стали, алюминия, цемента, удобрений и электричества, а впоследствии охватит другие области импортных товаров³⁰. Эта и другие подобные меры стран коллективного Запада наверняка ощутимо ударят по «незеленым» или недостаточно «зеленым» экспортерам, в том числе нефти, газа и угля. Такая перспектива пока только обретает свои очертания, но уже можно допускать, что «энергетический переход» способен стать новым источником серьезных противоречий России и Запада, трактуемых в логике реалистского подхода.

* * *

Основные разногласия России и стран Запада в сфере энергетики, имевшие место с 1991 г., могут рассматриваться сквозь призму как реалистского, так и либерального подходов ТМО.

Так, попытки Еврокомиссии использовать законодательство ЕС, а именно ГД 2009 г., в отношении российских газозэкспортных магистралей вполне могут вписываться в логику либерального подхода, поскольку с помощью привнесенных ограничений Брюссель рассчитывал и рассчитывает сдерживать доминирование «Газпрома» во избежание монополизации европейского газового рынка.

С позиций современного либерального интернационализма (интервенционизма) и неоконсерватизма попытки Запада ограничить потенциал и тем более нанести ущерб российскому ТЭК могут одновременно объясняться желанием США и других государств коллективного Запада добиться ослабления и дальнейшей либерали-

³⁰ Carbon border adjustment mechanism: Information material on the official website of the European commission // An official website of the European Union. Available at: https://ec.europa.eu/taxation_customs/green-taxation-0/carbon-border-adjustment-mechanism_en (accessed: 14.03.2022).

зации российского государства, которое, по их мнению, критически зависит от экспорта углеродных энергоносителей.

Однако в сумме именно политический реализм дает больше точек опоры для объяснения поведения рассматриваемых сторон. В частности, на развитие российского ТЭК как западные государства, так и Россия смотрели преимущественно в реалистском ключе. Конечно, взаимную экономическую и иную выгоду от сотрудничества на данном направлении они также не игнорировали, однако политический фактор был всё-таки определяющим. Как видится, до середины 2000-х годов российские газозэкспортные проекты реализовывались преимущественно в либеральном контексте, однако после обозначенного рубежа стали политизироваться и развиваться в усиливавшейся реалистской логике. В итоге СП-1, СП-2, ЮП и ТП превратились не только в основу для сотрудничества России и отдельных государств ЕС, за которое ратуют сторонники либерального подхода, но и в поле для ожесточенных политических баталий. И, наконец, Россия и страны Запада, хотя и предпринимали попытки взаимовыгодного регулирования глобальной и европейской энергетики, по большому счету, не смогли найти точки соприкосновения, фактически выступив в роли политических соперников. Усилия западных государств по совершению «энергетического перехода» и тем самым нивелированию своей зависимости от углеводородов из стран, которых они считают своими политическими конкурентами, также могут вписываться в реалистскую парадигму, однако потенциальные противоречия России и Запада на данной почве пока не материализовались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.Б. Проект «Северный поток-2» — шансы и риски реализации // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. С. 74–80. DOI: 10.15211/vestnikieran320187480.
2. Борисов М.Г. Энергетический переход и геополитика // Восточная аналитика. 2020. № 1. С. 7–16. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-007-016.
3. Боровский Ю.В., Шишкина О.В. Приоритетные цели энергетической политики ЕС // Современная Европа. 2021. № 3. С. 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127.

4. Буник И.В. Международно-правовые аспекты приостановления проекта «Южный поток» // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 2. С. 122–140. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.7.

5. Голунов С.В. Энергетические рычаги внешней политики: опыт России и США // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 1. С. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3.

6. Конопляник А.А. Энергетическая хартия: отменить нельзя модернизировать // ЭКО. 2011. № 2. С. 118–136.

7. Рогинко С.А. «Северный поток-2»: мнимые экологические риски // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 4. С. 136–141. DOI: 10.15211/vestnikieran42018136141.

8. Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. Доступ: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/syrevoj-sektor-rossii-ekonomika-kontrolya-i-politika-renty.html> (дата обращения: 14.03.2022).

9. Сидорова Е.В. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. № 1. С. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11.

10. Сушенцов А.А. Внешнеполитические платформы Республиканской партии США: изоляционисты, реалисты, неоконсерваторы // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 47–55. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-47-55.

11. Худайкулова А.В. Объясняя безопасность глобального Юга: западные и незападные подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 3. С. 394–417. DOI: 10.21638/spbu06.2020.307.

12. Юдина О.Н. Энергетический союз ЕС спустя пять лет: миф или реальность? // Современная Европа. 2021. № 1. С. 190–199. DOI: 10.15211/soveurope12021190199.

13. Domjan P., Stone M. A comparative study of resource nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008 // Europe-Asia Studies. 2010. Vol. 62. Iss. 1. P. 35–62. DOI: 10.1080/09668130903385374.

14. Erşen E., Çelikpala M. Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia // Energy Policy. 2019. Vol. 128. P. 584–592. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.01.036.

15. Friedmann W. Interventionism, liberalism, and power-politics: The unfinished revolution in international thinking // Political Science Quarterly. 1968. Vol. 83. No. 2. P. 169–189. DOI: 10.2307/2147088.

16. Giuli M. Nord Stream 2: Rule no more, but still divide (Issue paper) // European policy center. 2018. Available at: http://aei.pitt.edu/94377/1/pub_8613_nordstream2.pdf (accesses: 28.05.2022).

17. Goldthau A. Assessing Nord Stream 2: Regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK. London: EUCERS, 2016.

18. Gustafson T. *Wheel of fortune: The battle for oil and power in Russia*. Cambridge: Belknap Press, 2012.
19. Harsem Ø., Claes D.H. The interdependence of European-Russian energy relations // *Energy Policy*. 2013. Vol. 59. P. 784–791. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.035.
20. Huntington S.P. *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.
21. Jirušek M. The attitude of the Visegrad Group countries towards Russian infrastructural projects in the gas sector // *Energy Policy*. 2020. Vol. 139. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111340.
22. Krzykowski M., Krzykowska K. Will the European Commission's policy hinder gas supplies to Central and Eastern European countries? OPAL case decision // *Energy Policy*. 2017. Vol. 110. P. 534–541. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.08.041.
23. Kutcherov V., Morgunova M., Bessel V., Lopatin A. Russian natural gas exports: An analysis of challenges and opportunities // *Energy Strategy Reviews*. 2020. Vol 30. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100511.
24. Lipsey D. Liberal interventionism // *The Political Quarterly*. 2016. Vol. 87. Iss. 3. P. 415–423. DOI: 10.1111/1467-923X.12229.
25. Lobell S.E. Structural realism. Offensive and defensive realism // *International studies encyclopedia* / Ed. by R.A. Denemark, R. Marlin-Bennett. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 6651–6669.
26. Luft G., Korin A. Realism and idealism in the energy security debate // *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook* / Ed. by G. Luft, A. Korin. Santa Barbara: Praeger, 2009. P. 335–349.
27. Luft G., Korin A., Gupta E. Energy security and climate change: A tenuous link // *The Routledge handbook of energy security* / Ed. by B. Sovacool. New York: Routledge, 2011. P. 43–56.
28. Mearsheimer J.J. *The tragedy of great power politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2001.
29. Ole J., Abrahamsen R., Riis Andersen L. Introduction: Making liberal internationalism great again // *International Journal*. 2019. Vol. 74. P. 5–14. DOI: 10.1177/0020702019827050.
30. Pardo Sauvageot E. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security // *Energy Policy*. 2020. Vol. 145. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111699.
31. Schelly C., Bessette D., Brosemer K. et al. Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? // *Solar Energy*. 2020. Vol. 205. P. 109–112. DOI: 10.1016/j.solener.2020.05.056.
32. Shiraev E., Zubok V. *International relations* / 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2019.

33. Smil V. *Energy transitions: History, requirements, prospects*. Oxford: Praeger, 2010.

34. Smith Stegen K. Deconstructing the 'energy weapon': Russia's threat to Europe as case study // *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. P. 6505–6513. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.051.

35. Sziklai B.R., Kóczy L.A., Cserecsik D. The impact of Nord Stream 2 on the European gas market bargaining positions // *Energy Policy*. 2020. Vol. 144. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111692.

36. Van de Graaf T., Colgan J.D. Russian gas games or well-oiled conflict? Energy security and the 2014 Ukraine crisis // *Energy Research & Social Science*. 2017. Vol. 24. P. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.12.018>.

37. Vihma A., Turksen U. The geoeconomics of the South Stream Pipeline Project // *Journal of International Affairs*. 2016. No. 69 (1). P. 34–53.

REFERENCES

1. Belov V.B. 2018. Proekt 'Severnyi potok-2' — shansy i riski realizatsii [The Nord Stream-2 project — the chances and risks of implementation]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 3, pp. 74–80. DOI: 10.15211/vestnikieran320187480. (In Russ.)

2. Borisov M.G. 2020. Energeticheskii perekhod i geopolitika [Energy transition and geopolitics]. *Eastern Analytics*, no. 1, pp. 7–16. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-007-016. (In Russ.)

3. Borovsky Yu.V., Shishkina O.V. 2021. Prioritetnye tseli energeticheskoi politiki ES [The priorities of EU energy policy]. *Contemporary Europe — Sovremennaya Evropa*, no. 3, pp. 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127. (In Russ.)

4. Bunik I.V. 2018. Mezhdunarodno-pravovye aspekty priostanovleniya proekta 'Yuzhnyi potok' [International legal aspects of suspending the South Stream project]. *International Trends*, vol. 16, no. 2, pp. 122–140. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.7. (In Russ.)

5. Golunov S.V. 2021. Energeticheskie rychnagi vneshnei politiki: opyt Rossii i SShA [The energy toolkit of statecraft: Experience of Russia and the USA]. *International Trends*, vol. 19, no. 1, pp. 56–73. DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.3. (In Russ.)

6. Konoplyanik A.A. 2011. Energeticheskay khartia: otmenit nelzya modernizirovat [Energy Charter Treaty: To withdraw from or improve?]. *EKO*, no. 2, pp. 118–136. (In Russ.)

7. Roginko S.A. 2018. 'Severnyi potok-2': mnimye ekologicheskie riski [Nord Stream 2: False ecological risks]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 4, pp. 136–141. DOI: 10.15211/vestnikieran42018136141. (In Russ.)

8. Sakva R. 2010. Syr'evoi sektor Rossii: ekonomika kontrolya i politika renty [Russia's raw materials sector: The economics of control and the policy of rent]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 6 (74). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/syrevoj-sektor-rossii-ekonomika-kontrolya-i-politika-renty.html> (accessed: 14.03.2022). (In Russ.)
9. Sidorova E.V. 2016. Energetika Rossii pod sanktsiyami Zapada [Russian energy industry under the Western sanctions]. *International Trends*, no. 1, pp. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11. (In Russ.)
10. Sushentsov A.A. 2016. Vneshnepoliticheskie platformy Respublikanskoj partii SSHA: izolyatsionisty, realisty, neokonservatory [Foreign policy platforms of the United States Republican party: Isolationists, realists, neo-conservatives]. *Tetrad po konservatizmu*, no. 1, pp. 47–55. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-47-55. (In Russ.)
11. Khudaykulova A.V. 2020. Ob'yasnyaya bezopasnost' global'nogo Uga: zapadnye i nezapadnye podkhody [Explaining the security of the Global South: Western and Non-Western approaches]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 13, iss. 3, pp. 394–417. DOI: 10.21638/spbu06.2020.307. (In Russ.)
12. Yudina O.N. 2021. Energeticheskii soyuz ES spustya pyat let: myf ili realnost'? [Five years of the EU Energy Union: Myth or reality?]. *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 190–199. DOI: 10.15211/soveurope12021190199. (In Russ.)
13. Domjan P., Stone M. 2010. A comparative study of resource nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008. *Europe-Asia Studies*, vol. 62, iss. 1, pp. 35–62. DOI: 10.1080/09668130903385374.
14. Erşen E., Çelikpala M. 2019. Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia. *Energy Policy*, vol. 128, pp. 584–592. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.01.036.
15. Friedmann W. 1968. Interventionism, liberalism, and power-politics: The unfinished revolution in international thinking. *Political Science Quarterly*, vol. 83, no. 2, pp. 169–189. DOI: 10.2307/2147088.
16. Giuli M. 2018. Nord Stream 2: Rule no more, but still divide (Issue paper). *European Policy Center*. Available at: http://aei.pitt.edu/94377/1/pub_8613_nord-stream2.pdf (accessed: 28.05.2022).
17. Goldthau A. 2016. *Assessing Nord Stream 2: Regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK*. London, EUCERS.
18. Gustafson T. 2012. *Wheel of fortune: The battle for oil and power in Russia*. Cambridge, Belknap Press.
19. Harsem Ø., Claes D.H. 2013. The interdependence of European-Russian energy relations. *Energy Policy*, vol. 59, pp. 784–791. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.04.035.

20. Huntington S.P. 1993. *The third wave: Democratization in the late 20th century*. Norman, University of Oklahoma Press.

21. Jirušek M. 2020. The attitude of the Visegrad Group countries towards Russian infrastructural projects in the gas sector. *Energy Policy*, vol. 139. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111340.

22. Krzykowski M., Krzykowska K. 2017. Will the European Commission's policy hinder gas supplies to Central and Eastern European countries? OPAL case decision. *Energy Policy*, vol. 110, pp. 534–541. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.08.041.

23. Kutcherov V., Morgunova M., Bessel V., Lopatin A. 2020. Russian natural gas exports: An analysis of challenges and opportunities. *Energy Strategy Reviews*, vol. 30. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100511.

24. Lipsey D. 2016. Liberal interventionism. *The Political Quarterly*, vol. 87, iss. 3, pp. 415–423. DOI: 10.1111/1467-923X.12229.

25. Lobell S.E. 2010. Structural realism. Offensive and defensive realism. In: Denemark R.A., Marlin-Bennett R. (eds.). *International studies encyclopedia*. Oxford, Wiley-Blackwell, p. 6651–6669.

26. Luft G., Korin A. 2009. Realism and idealism in the energy security debate. In: Luft G., Korin A. (eds.). *Energy security challenges for the 21st century: A reference handbook*. Santa Barbara, Praeger, p. 335–349.

27. Luft G., Korin A., Gupta E. 2011. Energy security and climate change: A tenuous link. In: Sovacool B. (ed.). *The Routledge handbook of energy security*. New York, Routledge, p. 43–56.

28. Mearsheimer J.J. 2001. *The tragedy of great power politics*. New York, W.W. Norton & Company.

29. Ole J., Abrahamsen R., Riis Andersen L. 2019. Introduction: Making liberal internationalism great again. *International Journal*, vol. 74, pp. 5–14. DOI: 10.1177/0020702019827050.

30. Pardo Sauvageot E. 2020. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security. *Energy Policy*, vol. 145. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111699.

31. Schelly C., Bessette D., Brosemer K. et al. 2020. Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? *Solar Energy*, vol. 205, pp. 109–112. DOI: 10.1016/j.solener.2020.05.056.

32. Shiraev E., Zubok V. 2019. *International relations*. (3rd ed.). Oxford, Oxford University Press.

33. Smil V. 2010. *Energy transitions: History, requirements, prospects*. Oxford, Praeger.

34. Smith Stegen K. 2011. Deconstructing the 'energy weapon': Russia's threat to Europe as case study. *Energy Policy*, vol. 39, pp. 6505–6513. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.051.

35. Sziklai B.R., Kóczy L.A., Csércsik D. 2020. The impact of Nord Stream 2 on the European gas market bargaining position. *Energy Policy*, vol. 144. DOI: 10.1016/j.enpol.2020.111692.

36. Van de Graaf T., Colgan J.D. 2017. Russian gas games or well-oiled conflict? Energy security and the 2014 Ukraine crisis. *Energy Research & Social Science*, vol. 24, pp. 59–64. DOI: 10.1016/j.erss.2016.12.018.

37. Vihma A., Turksen U. 2016. The geoeconomics of the South Stream Pipeline Project. *Journal of International Affairs*, no. 69 (1), pp. 34–53.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022;
одобрена после рецензирования 29.03.2022;
принята к публикации 13.07.2022

The paper was submitted 01.02.2022;
approved after reviewing 29.03.2022;
accepted for publication 13.07.2022